

Мышление. Системное исследование

Автор:

[Андрей Курпатов](#)

Мышление. Системное исследование

Андрей Владимирович Курпатов

Академия смысла

Новая книга «Мышление» от Андрея Курпатова – автора нашумевших бестселлеров, изданных тиражом более 5 млн. экземпляров и переведённых на 8 языков.

Мышление человека – одна из самых актуальных тем современной науки. Мы привыкли думать, что мы думаем, более того – уверенно рассуждаем об интеллекте, сознании, разуме, мозге. Возникает ощущение, что с мышлением все ясно. Но так ли это в действительности? Что мы на самом деле знаем о мышлении, его природе и механизмах?

Андрей Курпатов – один из крупнейших отечественных ученых, специализирующихся на прикладных аспектах исследования мозга и процессов мышления. В масштабной системной работе «Мышление» само это слово, интуитивно понятное каждому школьнику, обретает новый, невиданный смысл и глубину. Реальность, какой мы её видим – лишь продукт нашего мозга, результат мышления. Что в этом случае мы можем сказать о нашем мозге, что – о самой реальности, и что – о нас самих? Что наука в действительности знает о происходящем у нас в голове?

Учёные всего мира только начинают обсуждать необходимость создания интегративной и, главное, прикладной области знаний о том, как функционируют механизмы мышления и как сделать их более эффективными. Андрей Курпатов идёт дальше – после двадцати лет исследований создаёт методологию мышления, проводит исследования в созданной им Высшей школе методологии в Санкт-Петербурге, выступает с Германом Грефом для лидеров Сбербанка, читает лекции в России и Великобритании, консультирует крупный

бизнес и явно не собирается останавливаться на достигнутом.

«Мышление» лежит в основе проекта интеллектуального образования нового формата «Академия смысла» и книг «Красная таблетка», «Чертоги разума» и «Троица», мгновенно ставших бестселлерами крупнейших интернет-магазинов.

Книга включает в себя четыре части системного исследования по методологии мышления – «Методология мышления. Черновик», «Что такое мышление? наброски», «Пространство мышления. Соображения» и «Что такое реальность? Концепт».

Андрей Курпатов

Мышление. Системное исследование

© А. В. Курпатов, 2016

© ООО «Дом Печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2019

* * *

Предисловие к книге

«Мышление. Системное исследование»

Начало этому исследованию было положено в 90-х годах прошлого века. По причине отсутствия адекватного термина, способного отразить суть этой новой области знаний, мы с Анатолием Николаевичем Алехиным называли ее «новой методологией».

Методология, как я ее себе представляю, занимается знанием, то есть некой организованной информацией, и реальными системами, являющимися источником этой информации. То есть, это, в некотором смысле, наука о методе создания знания о реальности.

Тогда я пытался описать суть «несодержательного мышления» – то есть мышления, которое схватывает отношение между элементами системы, вне зависимости от ее конкретного содержания. В конце концов, если мы всегда имеем дело с некими системами, должны существовать и какие-то общие принципы организации систем как таковых.

Те «принципы», которые тогда были сформулированы, действительно позволяют мыслить любую содержательную систему как набор «центров», «отношений», «третьих», а также как «процесс» в различных фазах его «развития». И хотя эта работа носила, в целом, теоретический характер, мы в ряде экспериментальных исследований могли убедиться в том, что этот «способ сборки» знания применим к практике и может быть весьма эффективен.

Одним из главных достижений того периода было создание «системной поведенческой психотерапии». Собственно, эта работа была, в каком-то смысле, сугубо методологическим исследованием.

Вполне очевидно, что пациент психотерапевта – это всегда человек, причем, страдающий весьма определенным кругом психических расстройств пограничного уровня. Впрочем, эта «очевидность» не помешала тысячам психологов и психотерапевтов от Зигмунда Фрейда и Берреса Фредерика Скиннера до Фредерика Перлза и Карла Роджерса создать сотни психотерапевтических школ и направлений, которые описывают этот – в сущности, один – предмет так, словно бы речь идет вообще о разных реальностях.

Это, конечно, самый настоящий «скандал в психологии», но, как выясняется, он вполне может быть устранен, если воспользоваться «новой методологией».

Если взять за общий принцип, что наличие действующей методики свидетельствует о том, что нечто имеет место в реальности, а затем создать концептуальный каркас, который способен схватить все случаи эффективной работы той или иной методики, то вы получите непротиворечивую модель;

в данном случае – психотерапии.

В качестве концептуального каркаса системной поведенческой психотерапии были использованы концепты, сформулированные в отечественной нейрофизиологии – концепты «поведения» И. М. Сеченова, «динамического стереотипа» И. П. Павлова, «доминанты» А. А. Ухтомского, а также «знак/значение» Л. С. Выготского. Кроме того, использовались концепты адаптации, тенденции выживания и аспектов поведения.

Эта концептуальная модель позволила органично соединить в себе не только эффективные психотерапевтические методики разных направлений, но и создать систему психотерапевтической диагностики, а также описать психические механизмы, являющиеся точкой приложения соответствующих психотерапевтических методов.

Тут надо отметить и другой важный аспект, обнаруженный при создании «новой методологии», связанный с ограничениями, свойственными языку как таковому – с «семантической слабостью языка».

Понятно, что в рамках, например, психотерапевтической практики существенной проблемой являются «языковые игры», возникающие в рамках того или иного направления психотерапии. Эти языковые игры создают, с одной стороны, непреодолимую границу между разными психотерапевтическими направлениями (под знаками подразумевается один и тот же психический феномен), а с другой стороны, влияют на то, что психотерапевт, находящийся в рамках той или иной языковой игры, видит в реальности (как говорил Людвиг Витгенштейн: «Границы моего языка определяют границы моего мира»).

Как мне представлялось (да и сейчас представляется) проблема «семантической слабости языка» может быть решена с помощью «новой методологии». В частности, я, как мне кажется, показал это в работе «Психософический трактат», где все единицы языка несодержательны, а их смысл возникает благодаря перекрестному взаимоопределению.

Надо сказать, что «Психософический трактат» стал для меня некой кульминационной точкой первого этапа исследовательской работы, посвященной методологии. Мне казалось, что мы получили эффективный инструментальный созданий, так называемых, «открытых систем».

Всякое знание неизбежно ограничено, и мы не знаем того, чего мы не знаем. Несодержательное мышление стало тем инструментом, который позволял формировать структуры знания, которые, в целом, оставались открытыми для новых, прежде неизвестных вводных, что и делало традиционно «закрытые» системы знания «открытыми».

Однако, у меня оставалось ощущение, что система «новой методологии» неполна, и я предпринимал какие-то попытки ее дополнить, но то ли я был еще не готов к тому, чтобы продвинуться дальше, то ли этот способ сборки интеллектуальных объектов (как я сказал бы теперь) был уже достаточен для решения широкого круга проблем, которыми я тогда занимался, начиная с организации медицинской помощи и популяризации психотерапии, заканчивая организацией бизнес-процессов.

Так или иначе, к проблематике «новой методологии» я вернулся лишь через десять лет, но с большим практическим багажом, полученным в разных сферах деятельности и на разных уровнях организации общества.

Те системные процессы, которые мне удалось пронаблюдать – в бизнесе, в медиа, в политике и культуре, – могли быть описаны в рамках «новой методологии», но эти описания не были в достаточной степени функциональны. Точнее, они были функциональны для меня, но конвертация этого знания вовне оставляла желать лучшего, что свидетельствовало об определенной методологической недостаточности.

Попытки концептуализации неких обнаруженных мною закономерностей вылились изначально в создание нескольких работ – «Способы думать. История и общество, дискурс и концепт», «Субъект и желание» (не опубликована), «Интеллектуальный ресурс. Капитал 3.0». Наконец, я подошел к написанию книги «Складка времени. Сущность и критерии», которая и стала для меня новой отправной точкой.

Работая над «Складкой времени», я пытался выделить ключевые, как мне тогда казалось, проблемы нового времени «информационной волны» и формирующегося «цифрового общества». Эти проблемы, как я смог обнаружить, концентрировались вокруг концептов субъекта («инфляция идентичности»), желания («нехватка нехватки») и, что самое важное, мышления («фальсификация мышления»).

Признаюсь, это было очень странным, казалось парадоксальным, нелепым и даже каким-то диким, что я, вдруг, наткнулся на тему мышления.

Казалось бы, я ведь все время только мышлением и занимался! Но вот внезапно выяснилось, что я делал это словно бы по умолчанию. Что такое «новая методология», если не наука о мышлении?.. Однако, выяснилось, что нет, это не наука о мышлении, а лишь наука о создании систем, наука об организации знания, но вовсе не о мышлении как таковом.

Чтобы создать методологию мышления как такового – предстояло вернуться назад, к тому самому человеку, к тому, чем он является на самом деле, и переосмыслить все заново. Благо современные нейрофизиологические исследования, появившиеся как раз в последние двадцать лет, существенно расширили наше понимание психических механизмов и особенностей работы мозга. Возможно, этого мне и не хватало для того, чтобы «новая методология» могла стать, наконец, «методологией мышления».

Собственно, четыре монографии, составляющие эту книгу, есть результат этого переосмысления, с учетом как моего нового опыта, так и самых последних нейрофизиологических исследований.

Монографии создавались в течение двух лет в Высшей школе методологии в Санкт-Петербурге, где я проводил методологические семинары и семинары по практической методологии.

Думаю, что каждая из этих работ – «Черновик», «Наброски», «Соображения» и «Концепт» – что-то скажет сама за себя, и мне пока нечего к этому добавить. Единственное, что мне кажется важным сказать, предваряя книгу, так это о том, что каждая из монографий является, в каком-то смысле, одним из подходов к теме.

То есть в каждой книге я как бы захожу на нее с разных сторон:

- в книге «Методология мышления. Черновик» я создаю концептуальный каркас методологии мышления;
- в книге «Что такое мышление? Наброски» я показываю процесс развития структур мышления в онтогенезе;

- в книге «Пространство мышления. Соображения» я структурирую саму функцию мышления;
- наконец, в книге «Что такое реальность? Концепт» я пытаюсь сказать о том, с чем мышлению приходится иметь дело.

Мне хочется думать, что эти работы, несмотря на все их возможные недостатки, дают достаточно функциональное понимание мышления. Впрочем, мышление – это всегда практика, непосредственная работа. О нем нельзя сказать, как о некой сущности, его можно лишь увидеть в действии.

Надеюсь, мне удалось это действие схватить и показать. Это тот максимум, на который я был способен. То, что касается самой практики мышления, то она, к сожалению, требует соучастников. Поскольку, как утверждает «методология мышления», в пространстве интеллектуальной функции нам сопротивляются только другие люди.

Именно с этой целью я и основал Высшую школу методологии, в рамках которого уже действует проект интеллектуального образования нового формата «Академия смысла». Имея уже годичный опыт работы этого проекта, я готов сказать, что у нас получается учиться мышлению как таковому. Признаюсь, это завораживает.

Спасибо! И приятного чтения...

Методология мышления. Черновик

Предварительные замечания

Пожалуй, лучшее, что мы можем – это мыслить мышление. Лучшее – хотя бы потому, что ничего другого мы помыслить просто не можем, а все, что мы мыслим, уже и всегда – есть наше мышление.

С другой стороны, говорить о мышлении невозможно, потому что мы сами и есть это мышление. Это все равно, что пытаться описать самого себя, глядясь в зеркало. Из этого может выйти неплохое описание нашего изображения в зеркале, но самих себя мы таким образом, конечно, описать не можем. То есть этот текст заведомо обречен на неудачу, что я хорошо понимал, еще только приступая к его написанию.

Как следствие, и я должен предупредить об этом заранее, текст содержит массу противоречий, которые я, хотя бы при первом прочтении, предложил бы просто игнорировать. Уверен, что практически все эти противоречия «контекстуальны» (кроме тех, на которые я специально указываю), то есть не являются противоречиями по существу, а вызваны лишь конфликтом несходящихся языковых контекстов, и смена языковой рамки легко такую «противоречивость» устраняет.

Для того чтобы не потерять главного, застревая на этих «противоречиях», попытайтесь понять не то, что я говорю (пишу), но то, как я предлагаю мыслить. В любом случае моему читателю придется осуществить сознательный выбор – или пытаться достигнуть цели и понять рассматриваемый «способ думать», или бесконечно путаться в словах и придирается к терминам.

Поскольку речь идет о принципиально новом подходе к знанию, мне потребовалось ввести целый ряд новых понятий, которые истолковываются по ходу текста и вряд ли могут быть поняты в отрыве от него. Впрочем, я совершенно на них не настаиваю и буду только рад, если в процессе обсуждения с коллегами и последующего переписывания этого «Черновика» (а называться этому тексту собственно «методологией мышления» еще, мягко говоря, рано) они поменяются и приобретут большую функциональность.

Так или иначе, мы не можем подобраться к мышлению через речь – я в этом почти уверен. Невозможно изложить «способ думать», пытаюсь создать какой-то ограниченный набор пропозиций.

Подобный эксперимент, впрочем, я уже ставил в «Психософическом трактате», и хотя в целом там эта задача решена, я не слишком рассчитываю превратить его текст из некой «вещи в себе» в полноценное руководство к мыслительному действию. В «Черновике» я пошел другим путем – скорее рисования, нежели рассказывания. В результате он пестрит выражениями «как бы», «условно говоря», «образно говоря», «давайте представим» и т. д., которые следует понимать буквально.

В тексте я иду от простого к сложному, постепенно насыщая и усложняя значения используемых мною понятий, конструируя и надстраивая их как бы внутрь их самих. Возможно, впрочем, временами будет возникать ощущение, что я возвращаюсь к тому же самому, но это не совсем так. Хотя речь действительно все время идет об одном и том же – об отношениях реальности и мышления, – но осуществляется эта речь на разных, как я смею надеяться, уровнях понимания.

На самом деле данный текст призван сообщить об очень простых вещах, по существу – об азах мышления. Но, к сожалению, именно это и представляется главной проблемой, поскольку мало чем отличается от безрассудной попытки заглянуть под капот несущейся по автобану машины.

* * *

Существенной трудностью данной работы является тот факт, что она написана, исходя из ряда предположений, сделанных на основе имеющихся у меня знаний о работе психического аппарата. Однако все эти предположения – сами по себе – нуждаются в более детальной проработке, особенно в свете новейших нейрофизиологических открытий. Впрочем, с другой стороны, и сами эти «предположения», как мне представляется, вполне могли бы стать неплохой программой для нейрофизиологических исследований.

В данном тексте я не изобретаю новый способ мышления, а лишь пытаюсь реконструировать тот, который сформирован мною – относительно эмпирически – в непосредственной практике решения тех или иных интеллектуальных задач, а потому и представляется мне вполне эффективным. Так что текст «Черновика» не предполагает «выведение теории с нуля», а скорее концептуализацию того способа, который уже мною опробован и лишь нуждался в своей формализации.

Надеюсь, впрочем, что хотя бы на роль закладного камня этот текст подойдет. Само же здание методологии мышления еще только предстоит строить.

* * *

Мне хочется посвятить эту книгу моим друзьям и коллегам, которые на протяжении всего того времени, пока я работал над формированием соответствующего способа думать, – каждый по-своему – не дали мне почувствовать себя одиноким и сумасшедшим, что в целом учитывая специфику самого этого способа думать, было, казалось бы, почти неизбежным.

С сердечной признательностью Анатолию Николаевичу Алехину, Геннадию Геннадиевичу Аверьянову и Илье Эдуардовичу Егорычеву. Спасибо!

Вводные соображения

До недавнего времени наука о мышлении страдала парадоксальной раздвоенностью: сознание изучалось принципиально отдельно от органа, который его производит, – от психики и, соответственно, от органа, который производит саму эту психику, – от мозга. По причинам, которым сейчас уже трудно найти какое-либо разумное объяснение, философия и психология поделили между собой то, что не может быть разделено в принципе – психическое и его содержание. И обе, надо сказать, демонстративно проигнорировали мозг как таковой. С равным успехом можно было бы, наверное, изучать, например, климат отдельно от температуры и вообще вычестить из этого анализа саму планету Земля.

Как бы там ни было, но к концу XIX века «психическое» окончательно отошло к новоявленной психологии, а «содержание психического» (собственно «сознание», «мышление» и прочие «умствования») осталось в ведении философии. Граница эта, впрочем, нигде не была обозначена явно, а тем более как-то задокументирована, но это ничуть не ослабило силу возникшего противостояния в приграничной полосе. Философы [Г. Фреге, Э. Гуссерль, К. Поппер] активно боролись с «психологизмом» (причем каждый понимал под этим

термином что-то свое). Психологи, со своей стороны, лишь подливали масла в огонь. Например, подвергли сомнению самую возможность «философии» – чего стоит, если вдуматься, хотя бы концепция скиннеровского «черного ящика»?

Сохранить нередуцируемую к психике «метафизику» стало для философии делом принципа (экзистенциализм, феноменология, эпистемология, философская антропология и т. д.). Неслучайно, даже великие психологи [У. Джеймс, К. Ясперс, С. Л. Рубинштейн] намеренно разделяли свои работы на философские и психологические – и не дай бог нарушить этот хрупкий мир и зыбкий баланс! Философы, в свою очередь, умудрялись писать о восприятии, чувствах, влечениях, памяти, языке, сознании и прочих психических процессах, совершенно не смущаясь того факта, что никаких научных подтверждений этим их умозрительным выкладкам не существует в природе.

«Истина» и «психика»

Впрочем, подлинная проблема обнаруживается куда глубже. Причем значительно. Да, разделение «психики» и ее «содержания», казалось бы, налицо, но на этот очевидный факт никто и никогда не указывал прямо и в достаточной мере ответственно. Вместо этого и философия, и психология декларировали некие абстрактные, условно-гипотетические предметы своего исследования: философы, вроде как, занимались поисками «истины», а психологи – «психикой». При этом ни один философ не назовет вам критерии «истины» и ни один психолог не скажет, где начинаются и заканчиваются границы «психики». По крайней мере, вопрос о том, где локализуется «культурно-историческое» содержание [Л. С. Выготский] – в конкретной психике или в абстрактном обществе – неизбежно поставит любого психолога в тупик.

Рано или поздно эти умозрительные фикции – «истина» и «психика» – должны были покинуть поле боя. Что и произошло на исходе XX века: метафизическая «истина» была с позором выдворена из континентальной философии [Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр], а в американском философском дискурсе (аналитико-прагматическом) она превратилась в пустую логическую абстракцию [Р. Карнап, У. В. О. Куайн, С. Крипке, Дж. Р. Серль]. Многострадальная «психика», в свою очередь, силами различных «психоанализов», гештальт-психологии, бихевиоризма, когнитивной психологии, психологии психических процессов,

социальной психологии и т. д. и т. п., – пережила взрывную, не предполагающую возможности последующего восстановления дефрагментацию.

Трудно представить себе науку, которая была бы настолько неспособна определить предмет собственного исследования... К этому остается добавить, что и практическая полезность данных исследований – как в случае философии, так и в случае психологии – драматично стремится к нулю: по крайней мере, в рамках той «области», о которой мы ведем речь, эти знания нигде толком не востребованы, а потому и не соотнесены с реальностью, тем более – не опосредованы ею. Именно в этой патологической искусственности обеих дисциплин, как мне представляется, фундаментальная причина тех многочисленных «кризисов», которые попеременно диагностируются философами в философии и психологами в психологии.

Наука о мышлении больше никогда не будет прежней

Своеобразной точкой невозврата, обозначившей радикальную смену парадигмы, стали «лингвистический поворот» в философии и «когнитивная революция» в психологии. «Лингвистический поворот» констатировал языковую природу реальности – по сути, свел реальность к языку, то есть, в конечном счете, к «сознанию» [Д. Девидсон, Р. Рорти, Д. Деннет, Д. Чалмерс], а «когнитивная революция» сместила акценты в психологии с исследований психики на способы познания реальности [К. Прибрам, У. Найссер, Б. Баарс]. Так что, психология с философией в некотором смысле сошлись, наконец, на одной стороне воображаемой границы своего векового противостояния. Но это их формальное примирение не имело, да и не могло иметь, никаких практических результатов.

Дело в том, что в сложившихся обстоятельствах интерес к «психике» как таковой был утрачен полностью, а изучать «функцию», игнорируя «орган», можно, лишь окончательно потеряв связь с реальностью. В центре анализа оказались фикции, если не сказать – мистификации. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на актуальные представления о «сознании»: для кого-то «сознание» – это отражение реальности и пространство мышления, для других – собственно субъективная реальность, для третьих – действительная реальность, в которой происходит (по-хайдеггериански «присутствует») специфическое человеческое бытие, четвертые и вовсе считают «сознание» некой

надличностной и неверифицируемой силой. Впрочем, это лишь шорт-лист предлагаемых интерпретаций «сознания», в действительности их столько, сколько и авторов, пишущих на эти темы.

Объективно говоря, перед нами уже никакой не кризис, а самый настоящий «конец фильма». Впрочем, именно в тот момент, когда мы, казалось бы, уже окончательно достигли дна, снизу постучали. Помощь пришла – откуда не ждали, с третьей стороны... Бурно и независимо развивающаяся нейрофизиология (нейропсихология) неожиданно показала выход из этого реверсивного тупика. Основываясь на фундаментальных подходах [У. Пенфилд, А. Р. Лурия, П. К. Анохин], но благодаря именно новейшим нейрофизиологическим исследованиям [Б. Либет, Д. Риззолатти, В. Рамачандран, К. Фрит, С. Сеунг], положение дел в науке о мышлении неизбежно и кардинально изменится.

И философия, и психология раньше могли громить друг друга взаимными упреками в умозрительности, но с появлением третьей – «нейрофизиологической» – стороны, предлагающей нам в некотором смысле «объективные данные», такая возможность отпадает напрочь.

«Нейрофизиологический переворот»

В скором времени, и этого уже нельзя отрицать, философ без нейрофизиологического бэкграунда будет напоминать врача, который, имея на руках всю современную медицинскую технику, продолжает ставить диагнозы посредством пальпации пульса. Мы уже больше никогда не сможем рассуждать о природе реальности, игнорируя те данные, которые так скрупулезно и со всем тщанием собирает для нас сейчас нейрофизиология. Чем дальше, тем больше мы узнаем о фактических механизмах реконструкции реальности («истины») нашим психическим аппаратом («психикой»), да и механику работы самого этого аппарата – то есть методологию мышления.

По аналогии с «лингвистическим поворотом» и «когнитивной революцией» грядущие перемены можно было бы назвать «нейрофизиологическим переворотом» в науке о мышлении: неизбежно и даже вынужденно мы увидим предмет своего исследования радикально другим.

Да, «философия» и «психология» все еще кажутся нам величественными башнями из слоновой кости. И да, мы все еще восхищаемся, подчас с замиранием сердца, причудливыми узорами на их стенах: теориями, концептами, системами. Больше того – там, в этих башнях, все еще живут и деловито суетятся люди. Только вот бойницы этих башен давно опустели.

Огромное количество проблем, которые на протяжении веков являлись для философии знаковыми (даже «основными» ее «вопросами»), скоро просто отпадет. Они станут казаться нам лишь досадным недоразумением, возникшим по причине недостатка обнаруженных теперь оснований. А психология, она и вовсе – не успеет мы и глазом моргнуть – незаметно и совершенно естественно растворится в нейрофизиологии, исчезнет, словно и не было ее никогда.

Современная нейрофизиология сродни изобретению телескопа в астрономии или микроскопа в биологии: она исследует орган, который производит психику, которая, в свою очередь, производит сознание. Но было бы ошибкой думать, что с помощью телескопа астрономы просто рассмотрели звезды – они видели их и прежде. И вовсе не микроскоп открыл биологам причины инфекционных болезней – о них догадывались и раньше. Телескоп и микроскоп лишь позволили исследователям установить закономерности. Так и нейрофизиология не предлагает радикально новой теории и не отменяет наших прежних знаний о сознании, мышлении и психике. Она предлагает нам нечто большее – она создает карту исследуемого нами мира.

Путь, открывающийся «нейрофизиологическим переворотом», кажется сложным и даже пугающим, но перед нами – впервые – столбовая дорога к мышлению (причем одновременно – и с точки зрения его производства, и с точки зрения его содержания). Какие-то жертвы на этом пути необходимы и неизбежны – от чего-то придется отказаться, что-то заново переосмыслить, а к чему-то иначе, совершенно по-новому приноровиться. Но абсолютно бессмысленно этому сопротивляться – мы уже не сможем обойтись без этого радикально нового видения проблемы мышления.

Основные концепты

Нейрофизиология исследует активность мозга, пытаюсь понять, каким образом мы формируем свое представление о реальности, основываясь на той информации, которая поступает на периферические отделы нашей нервной системы. Кроме того, она исследует нейрофизиологическую природу тех явлений, которые очевидно являются следствием работы мозга (реакции на раздражители, двигательную активность, память, воображение, мышление, речь и т. д.). По существу, нейрофизиология занимается всеми уровнями обработки информации, которая поступает в мозг через рецепторный аппарат.

Очевидно, однако, что мы (по крайней мере, сознательно и по большей части) имеем дело с объектами, которые никак не воздействуют и не могут воздействовать на наш рецепторный аппарат. К ним, например, относятся мои отношения с родителями или ваше восприятие футбольной команды «Спартак» – каким бы оно ни было. Наши рецепторы не воспринимают и смысла (значения) тех знаков, которые сейчас, при чтении, появляются в вашем сознании. Более того, они также глухи и к тому, что мы считаем вещами внешнего мира: наш рецепторный аппарат не ухватывает ни собаки, ни кошки, ни, например, телевизионной башни, а лишь какие-то сигналы от них и лишь при непосредственном с ними отношении. Соответствующие «сущности» появляются уже в результате работы нашего психического аппарата, то есть уже по его законам и правилам.

При этом очевидно должно быть и другое – то, что таким образом реконструируется и создается нашим мозгом, является бесконечно малой вариацией того, что им в принципе может быть реконструировано и создано. Равно верно и то, что сам по себе рецепторный аппарат, во-первых, ограничен в возможностях специфической тропностью к внешним стимулам (свет, звук, химические раздражители и т. д.) и определенными диапазонами (видимый спектр, концентрации веществ и т. д.), а во-вторых, считывает только то, что непосредственно находится в поле его восприятия, тогда как это лишь несущественно малая часть от того объема информации, с которой имеет дело мозг, осуществляя эту реконструкцию реальности.

Иными словами, фактически воспринимаемое нашим мозгом, с одной стороны, и то, что он считает своим «знанием» о реальности, – с другой, величины несопоставимые. В действительности, он всегда создает «дополненную реальность», а по существу – оперирует весьма объемной и сложноорганизованной иллюзией.

Теперь, учитывая эти факты, сравним тот статус «познания», который традиционно ему приписывается (в философии, например), с тем, что представляет собой наше «познание» на самом деле. Очевидно, что мы чрезвычайно переоцениваем качество этого своего «познания», заблуждаемся в отношении того, что является его действительным «предметом», а также совершенно неоправданно выделяем его – как некое особое и самостоятельное явление – из общей массы психических процессов, происходящих в мозгу. Впрочем, можно, а вероятно, и нужно, сказать жестче: существующие теории познания (сам господствующий способ думать о познании) являются, в существе своем, глубоко ошибочными. И это, собственно, то, что сообщает нам нейрофизиология.

Со всей серьезностью нам следует отнестись к тому, с какой точки мы, по существу, стартуем в своем методологическом исследовании, точнее говоря, каков уровень ее залегания в бесчисленности напластований усвоенных нами заблуждений. Очевидно, что привычные термины (как бы понятные нам «понятия») должны быть существенно переосмыслены, а – желательно – и вовсе заменены на новые, дабы предупредить неизбежную здесь фактически путаницу.

Мышление не ограничивается языком и речью

Возможно фундаментальной проблемой прежней науки о мышлении было искусственное выделение мышления из общей массы психических процессов, а конкретнее – жесткое сопряжение мышления с языком и речью.

Причем этой ошибки нет, например, ни у Л. Витгенштейна, ни у Л. С. Выготского, которых считают «отцами» «лингвистического поворота» и «когнитивной революции». Да, Витгенштейн настаивает на необходимости сохранять молчание там, где мысль не может быть выражена словами, но нигде не говорит о том, что мысль ограничивается словами (что, впрочем, с другой стороны, не противоречит тому, что язык определяет «границы моего мира»). Выготский говорит о том, что «облако мысли» проливается «дождем слов», но не о том, что мысль – это и есть слова. К самой «мысли» он, как известно, просто не успел подобраться из-за своей преждевременной смерти.

Трудно переоценить значение «лингвистического поворота» в развитии философской мысли XX века, но именно он – вопреки всякому здравому смыслу – придал этой досадной ошибке лингвистического понимания мышления статус «научной догмы» [Н. Хомский, Д. Лакофф, С. Пинкер]. Ни в мозге, ни в психике мы не найдем границы, где психический процесс переходит в процесс собственно «мыслительный». Не найдем, потому что этой границы там просто не существует.

У нас нет никаких оснований считать, что неосознаваемая нами психическая активность (составляющая львиную долю деятельности нашего с вами психического аппарата) – активность, поражающая воображение своей сложностью, целесообразностью и системностью, – чем-то принципиально отличается от «мысли». Ни один «психический процесс» – восприятие, внимание, память, эмоциональные реакции, волевые усилия, воображение, речевое или социальное поведение – не имеет никакой особой (своей собственной) нейрофизиологической природы, принципиально отличающей его от того, что мы привыкли считать «мыслительной деятельностью».

Благодаря нейрофизиологии мы знаем, в каких зонах мозга (центры Брока и Вернике) мысль обретает словесную форму, но мы знаем также и то, что и при повреждении соответствующих зон человек продолжает мыслить (пусть и как-то иначе, нежели в норме) [А. Р. Лурия]. Более того, ребенок демонстрирует нам доречевое мышление, а высшие приматы способны обучиться языку (в определенных границах), но лишь как техническому орудию решения практических задач (то есть, по существу, его, конечно, не освоив). Кроме того, любое животное, обладающее нервной системой и, соответственно, способностью к формированию элементарных условных рефлексов, решает таким образом интеллектуальные по существу задачи [Э. Кендэл]. Наконец, даже машины – посредством программного обеспечения – способны к интеллектуальной работе [А. Тьюринг].

Таким образом, мы не можем не изменить свой взгляд на мышление, причем это изменение должно быть радикальным. Мышление – это вовсе не вопрос языка или речи, а процесс оперирования интеллектуальными объектами – операндами [Л. М. Веккер], которые лишь отчасти могут быть оформлены в языке (сопряжены с соответствующим содержанием психического), но и то лишь на каком-то этапе и при определенных условиях.

Рис. 1 Анатомическая схема зрительного пути обезьяны

Единицей мышления является «интеллектуальный объект»

Единицей мышления является интеллектуальный объект (операнд) – нечто, что создается психическим аппаратом и приобретает для него и в нем некое специфическое значение.

Процесс создания интеллектуальных объектов является, по существу, основной психической функцией. Посредством рецепторного аппарата и через афферентные пути мозг ежесекундно получает около 11 миллионов бит «сырой» информации [М. Шпицер], которая используется им для реконструкции объектов внешнего (по отношению к нему) мира. Процесс этой реконструкции является сложнейшей и многоуровневой задачей, которая уже – и по форме, и по существу – является интеллектуальной: мозг не просто воссоздает себе некий образ внешнего объекта, «отражая действительность», а активно порождает нечто, что станет для него объектом (интеллектуальным объектом) в связи с его собственным – данного мозга – содержанием [Д. Эссен]. Иначе говоря, мозг не создает «психические копии» неких «объективно существующих объектов», но лишь свои собственные интеллектуальные объекты, причем делает это непрерывно и только «под себя».

Так выглядит анатомическая схема лишь одного зрительного пути обезьяны, воспроизведенная Дэвидом ван Эссеном (рис. 1). Количество обратных связей в ней превышает число нитей, идущих от каждой области в следующую, стоящую выше по иерархии. Очевидно, что у человека схема такого самореференцирующего зрительного пути значительно сложнее, и радикальное преобладание этих отсылок не к тому, что воспринимается в реальности, а к тому, что уже содержится в мозге, однозначно свидетельствует о том, что реальность является для нашей психики только «информационным поводом», все остальное она, как «хороший» журналист, додумывает сама.

Процесс создания интеллектуального объекта, что показано в соответствующих исследованиях, сопровождается процессом наделения этого объекта некой «его» «сущностью» [П. Блум]. То, что мы привычно называем «значением», является ничем иным, как «значением-для-меня», то есть результатом отношений между условным «мной» (где «я» – какое-то содержание моей психики) и тем интеллектуальным объектом, который был мною (во мне) создан. Грубо говоря, мои отношения со столом и превращают стол в «объект», наделенный сущностью «стольности». Разумеется, никакой реальной сущности у «стола» нет и, в действительности, он настолько же является «предметом», как и дуновение ветерка. Но тот факт, что он имеет-для-меня-значение «стола», превращает его в «объект реальности» – вещь, наделенную соответствующей «сущностью».

«Интеллектуальная функция»

Мы бесконечно оперируем внутри собственной головы этими операндами (интеллектуальными объектами), создавая, таким образом, новые и новые отношения между ними. И эти новые отношения, по существу, есть новые – производные от – интеллектуальные объекты. Причем, учитывая многоуровневость этого процесса, протекающего одновременно и последовательно на разных этажах психического, все интеллектуальные объекты являются такими «производными».

Допустить наличие неких исходных (первичных, элементарных) интеллектуальных объектов было бы ошибкой. Во-первых, мы должны отдавать себе отчет в том, что любой, даже самый «простой», интеллектуальный объект складывается из разных и отдельных раздражителей (воздействующих на разные и отдельные рецепторы). Во-вторых, сами эти интеллектуальные объекты обретают соответствующий статус (состояние, вес, значение, звучание) – «интеллектуального объекта» – лишь в тот момент, когда мы наделяем этот интеллектуальный объект некой «сущностью» – то есть уже воспринимаем его в некоем отношении с собой (где «я» – любое конкретное содержание нашей психики) как некую «вещь», имеющую определенное «значение-для-меня».

Именно поэтому понятие «функции» необходимо понимать здесь не только в привычном значении как «объект и его функция», но и в математическом смысле – «функция как отношение», «однозначная парная связь элементов одного множества с элементами другого множества».

Несовпадение «реальности» и «представлений о реальности»

Из сказанного следует сделать вывод, что возникающие в нас (в нашем мозге, психическом аппарате) интеллектуальные объекты, которые не являются объектами действительной реальности, а лишь результатом наших – зачастую предельно сложных – отношений с ней, но призванные ее «отражать» (изображать, представлять и т. п.), находятся с ней в постоянном и совершенно неизбежном конфликте.

Если бы мы обладали способностью воспроизводить реальность в себе такой, какова она есть на самом деле, то этого бы конфликта не возникало. Но это привело бы к тому, что в нашей голове (в мозге, психическом аппарате) наблюдалась бы эта самая реальность, что невозможно. В случае если некая «карта» полностью совпадает с «территорией», она и является этой «территорией», а не ее «картой».

Кроме того, следует иметь в виду, что мы сами, вне всякого нашего намерения, желания или контроля, принадлежим действительной (фактической) реальности, но при этом находимся и в непрерывном, разноаспектном отношении с ней. Таким образом, мы, являясь одновременно и наблюдателем, и наблюдаемым, не можем совпадать с реальностью в своем представлении о ней.

Производство «содержания»

Неизбежное несовпадение наших «представлений о реальности» (вся совокупность наших интеллектуальных объектов) и действительной реальности как она есть – само наличие возникающего в такой ситуации конфликта (несовпадения) – побуждает нас постоянно «улучшать» наше представление о

реальности.

Нам может казаться, что мы таким образом «приближаемся» к реальности, создаем «лучшую» (улучшенную, идеальную) ее копию, но это заблуждение. Усложнение интерпретации интерпретируемого – это всегда параллельный (по отношению к интерпретируемому) процесс – процесс, протекающий в другой плоскости, в другом измерении, процесс, о котором нельзя сказать, что он лучше или хуже какой-то иной его же версии.

Сугубо теоретически можно, наверное, предположить, что на каком-то уровне данного усложнения вероятность ошибки – то есть, как раз ухудшение отражения реального, некорректность отражения реальности и т. д. и т. п. – только увеличивается. Однако это, очевидно, лишь предположение.

Несомненным же фактом является то, что процесс этого перманентного усложнения нашего представления о реальности, связанного с перманентным же несовпадением этого представления с реальностью как таковой, является основным движущим фактором и фактическим средством производства содержания нашей психики, то есть самого психического (в широком и разноаспектном понимании этого слова).

Иллюзорность «реального» и «фактическая реальность»

Мы пребываем в устойчивой иллюзии, которая, впрочем, легко разрушается при соответствующих болезнях, интоксикациях или иных повреждениях мозга, что воспринимаемый нами мир реален (реален, по крайней мере, в том смысле, что мы воспринимаем своими органами чувств нечто реальное).

Здесь важно понять, что это вовсе не так очевидно, как нам кажется, и вряд ли соответствует фактической действительности. И дело даже не в том, что нарушения в работе мозга (психического аппарата) могут приводить, например, к так называемым истинным галлюцинациям, неотличимым от реального восприятия. Дело в том, что этот – воспринимаемый нами – мир не дан нам в первичных (простых, элементарных, исходных) интеллектуальных объектах, а всегда есть результат интеллектуальной функции, то есть – он всегда есть производное от производного.

Иными словами, всякая реальность, нами «воспринятая», всегда есть некое представление о реальности, созданное нашим же психическим аппаратом и не соответствующее потому реальности полно или сколь-либо точно. То есть мы не можем иметь корректного представления о реальности, а лишь только ту или иную его версию. Таким образом, все, что воспринимается нами как реальность, реальностью не является, сколь бы реальным нам это – воспринятое, ощущаемое, видимое – ни казалось.

Да, исходные посылки реальны: на уровне рецепторного аппарата происходит непосредственный контакт нашей психики (психического аппарата) с реальностью. Но во-первых, это в каждом конкретном случае настолько мизерный, частный, специфичный контакт, что его трудно оценивать как нечто действительно существенное и адекватное в рамках «отражения» реальности, и во-вторых, что еще более важно, у нас нет доступа к данным этого «контакта», потому что сам по себе, без его соотношения с уже существующим и предустановленным содержанием психического, он от нас скрыт.

Все сказанное, впрочем, не только не отрицает наличие реального как такового (предположить это было бы и странно, и даже нелепо), а напротив – лишь доказывает реальность реального. И хотя мы не можем получить это реальное через восприятие (несмотря на то, что нам кажется, будто бы именно таким образом мы его и получаем), это не исключает возможности думать о реальном – «о том, что происходит на самом деле» – как-то иначе.

Таким образом, нам необходимо научиться, с одной стороны, не принимать свое представление о реальности за саму реальность, а с другой – найти какой-то особый способ мыслить фактическую реальность, который учитывал бы тот факт, что одновременно с этим мышлением реальности мы сами в ней и находимся – принадлежим ей, являемся ее естественной и неотторжимой частью.

Методология мышления и реконструкция фактической реальности»

Итак, мы понимаем, что наше представление о реальности и реальность – не одно и то же. Более того, понятно – то, что нам кажется фактической

реальностью, на самом-то деле ею не является. Наконец, мы отдаем себе отчет в том, что эта реальность существует – фактически есть, и сверх того, является безусловным приматом всякого существования, хотя и недоступна нашему восприятию (включая и всю систему наших представлений о реальности). Это понятно. Но что мы мыслим сейчас, рассуждая таким образом? Именно сейчас и именно таким образом мы как раз и мыслим фактическую реальность.

Очевидно, что то, что мы сейчас мыслим, и то, как мы это мыслим (можно сказать – логически, аналитически), является сложным и, по существу, «умозрительным» интеллектуальным объектом. Однако же, при всем при этом, именно этот интеллектуальный объект и дает нам реальность, причем куда точнее, нежели наше привычное представление о ней.

Иными словами, мы не можем мыслить реальность, считая свои представления о реальности реальностью, с другой стороны, ничто не мешает нам мыслить фактическую реальность (то, что происходит на самом деле), подходя к этому с другого конца – исходя из намеренного, осмысленного и целенаправленного отрицания идентичности реальности и нашего представления о ней.

Еще раз: мы можем – умозрительно, аналитически, логически – знать, что реальность существует. Мы можем знать это с достоверностью, несмотря на то что мы не имеем к ней прямого доступа посредством нашего психического аппарата (последний лишь создает ее версии). Наше знание того, что она – фактическая реальность – есть, кажется очень незначительным. Но здесь важно понимать другое: именно таким образом мы видим, что это знание – адекватное реальности – возможно. А если такое знание в принципе возможно, то мы можем понудить свое мышление к тому, чтобы оно двигалось и дальше, создавая это – адекватное реальности – знание.

В чем-то это – адекватное реальности – знание напоминает «представление о реальности», которое фактической реальности не соответствует. Более того, в каком-то смысле оно – это знание – конечно, тоже является «представлением», и мы должны об этом помнить, однако нам не следует таким образом об этом думать. Здесь есть существенное отличие: такое знание, которое мы называем в данном случае «адекватным реальности», является, по существу, не представлением о реальности, а ее реконструкцией.

Возможность адекватно реконструировать реальность – это и есть то, что мы ждем от методологии мышления.

Часть первая: Фактическая реальность

Принимая в расчет данные современной нейрофизиологии, мы должны исходить из того факта, что вся воспринимаемая нами реальность (равно как и все объекты нашего внутреннего мира) сделана нашим же мозгом, работой психического аппарата. То есть мы всегда имеем дело с некой моделью реальности, нами же созданной, а не с реальностью как таковой. Еще раз: мы не имеем непосредственного доступа к реальности, а то, что мы считаем реальностью, – таковой не является.

Причем наши представления о реальности конструируются нашей психикой как бы сами по себе – автоматически, мы, как сознающие себя существа, всегда получаем ее уже в готовом – таком – виде, а не саму по себе. Мы воспринимаем созданную нашим мозгом картину реальности как самую фактическую реальность, что является ошибкой и заблуждением, свидетельствующим лишь о нашей предельной ограниченности. Но мы совершаем ее постоянно, на уровне психологических автоматизмов и не можем ее не совершать.

Все наши представления о реальности созданы нашим мозгом, а мы имеем дело только со своими представлениями о реальности, из чего следует, что всякое наше «познание реальности» в действительности является лишь исследованием нашей собственной модели реальности, а не реальности как таковой. Не имея прямого доступа к реальности, мы не можем ее познавать, а то, что мы считаем результатами своего познания реальности, в действительности является лишь нашим знанием о наших представлениях о реальности.

Однако мы ставим перед собой именно эту цель – нам важно понимать, какова реальность на самом деле, что происходит на самом деле. И очевидно, что получить этот результат обычным, привычным для нас способом невозможно (хотя, конечно, мы в подавляющем большинстве случаев не отдаем себе в этом отчета). Таким образом, для того, чтобы иметь действительное видение фактической реальности, нам необходимо идти окольным путем – то есть как-то обойти свой привычный способ отношений с реальностью и создать новый.

Именно этот путь, ведущий к фактической реальности, и должна прочертить методология мышления. Мы должны осмыслить то, как мы формируем свое представление о реальности, понять, почему принимаем эти представления за фактическую реальность, и разработать способ, с помощью которого мы сможем обойти эти представления, чтобы получить доступ к фактической реальности. Исходя из сказанного, начнем хотя бы с того, что попытаемся понять, что именно нам необходимо обойти и как это можно сделать.

Отличие «реконструкции» от «представления»

«Представление о реальности» – это термин, это уже в каком-то смысле реконструкция. Однако всякое наше фактическое «представление о реальности» не ощущается нами как представление. Мы воспринимаем свое представление о реальности как саму (за саму) фактическую реальность, и мы психобиологически не можем в этом своем восприятии усомниться.

Чтобы увидеть в этом своем представлении именно и только представление, а не реальность, нам необходимо аналитическое усилие, нам нужна реконструкция всей этой ситуации – нас-воспринимающих, предположение о факте наличия реальности, находящейся по ту сторону нашего восприятия, эффекта сделанности наших представлений и т. д. и т. п. Таким образом, в отличие от наших представлений о реальности, такая реконструкция фактической реальности не будет субъективно ощущаться нами как воспринятая нами реальность, но лишь как размышление о ней.

Когда же мы аналитически (логически, осмысленным и целенаправленным размышлением) понимаем, что реальность как таковая (фактическая – то, что происходит на самом деле) нам недоступна, мы, и в этом состоит фундаментальный парадокс, создаем адекватную реконструкцию реальности. Но именно поэтому мы и не можем почувствовать (воспринять, представить и т. д.) эту реконструкцию как реальность, а видим ее лишь как интеллектуальную модель, как нечто сконструированное. То есть мы можем только «так думать», и мы не найдем никаких подтверждений этой своей мысли в своем фактическом, привычном восприятии реальности.

Этот парадокс необходимо осмыслить предельно отчетливо: наше представление о реальности всегда является ложным и неадекватным реальности, но мы не можем в нем усомниться иначе, как только аналитически (гипотетически, предположением, мысленным экспериментом). То есть на уровне своего восприятия мы всегда будем отождествлять свое представление о реальности и саму реальность, но это отождествление – ошибка, обусловленная устройством (требованием) нашего собственного психического аппарата.

О действительной же реальности – о том, что происходит на самом деле, – мы можем судить только и исключительно аналитически – в рамках, своего рода, мысленного эксперимента. Иными словами, путь к действительной реальности, скрытой от нас нашим же представлением о ней, лежит исключительно через размышление, и результаты этого размышления всегда и неизбежно будут восприниматься нами как некая условная конструкция, но не как реальность (как мы привычно ее субъективно воспринимаем).

Всякий же раз, когда мы начинаем верить в свою реконструкцию реальности как в реальность фактическую, эта наша реконструкция неизбежно становится представлением о реальности, и мы тут же впадаем в иллюзию.

«Реконструкция» – схемы, модели, чертежи, граница

Своего рода «конструктивизм», о котором здесь идет речь, необходимо понять правильно. Речь не идет о том, что, реконструируя фактическую реальность, мы получаем саму фактическую реальность, но это еще и не представление о реальности, как мы его здесь описываем. Это схема, модель, чертеж.

Вспользуемся аналогией: некое архитектурное сооружение можно рассматривать само по себе (фактическая реальность), как некий образ этого архитектурного сооружения в нашем сознании (представление о реальности) или как чертеж, инженерную схему этого сооружения – и именно это, последнее, важно. Сравни рис. 2 и рис. 3.

Нам не следует, при всей его «очевидности», верить «образу» (своим представлениям о реальности) – хотя бы потому, что наше восприятие уж слишком субъективная и ненадежная вещь. В конце концов, прав был Людвиг

Витгенштейн, подвергая сомнению Расселову уверенность в отсутствии носорога в классной комнате. Что если у Рассела специфическая скотома, или носорог ловко прячется у него за спиной, а остальные свидетели этой игры в носорожки прятки являются подсадными утками, забрифованными Соломоном Ашем молчать и не смеяться?

Рис. 2 Искупительный храм Святого Семейства, Барселона

Рис. 3 Чертеж-схема храма Святого Семейства

Итак, «образ» отпадает. Что тогда? Фактическому наличию архитектурного сооружения мы, конечно, верить можем, но как оно попадет в нашу психику окольным путем – не через формирование соответствующего образа? Это невозможно. Остается схема, модель, чертеж.

Этот, условный, «чертеж» (наша реконструкция фактической реальности) не даст нам ясного представления об «образе» здания. Даже сильно напрягая воображение, мы вряд ли сможем лишь по чертежам представить себе здание привычным способом. Перед нами лишь какие-то схемы, цифры, таблицы, выкраски цвета и т. д. Но зато со всем этим можно работать – мы можем понять количество отдельных помещений, полезную площадь, этажность, высоту потолков, наличие санузлов и т. д. и т. п. Поэтому создание «чертежа» фактической реальности, то есть ее «реконструкция», – это для нас, как для исследователей, вещь, безусловно, приоритетная.

Но тогда нам необходим четкий критерий, который позволит отличать «образы» реальности (представления о ней) от «чертежей» (от реконструкции фактической реальности), в противном случае мы легко запутаемся. Посмотрите на эти рисунки – тут образ творения Гауди (рис. 2) с соответствующими схемами не перепутаешь (рис. 3). Но когда и то и другое находится «внутри головы» – проблемы почти неизбежны.

Возьмем для примера наши недавние размышления о роли «философии» и «психологии» в «науке о мышлении». Казалось бы, этот анализ требовал понять, что именно они – «философия» и «психология» – говорят о «мышлении». Но мы по этому пути не пошли, ведь тогда бы нам пришлось решать вопрос о достоверности – как мы можем проверить правильность соответствующих выводов о «мышлении»? Отвечая на этот вопрос, мы бы должны были соотнести одни представления с другими и, очевидно, оказались бы в замкнутом круге игры представлений – зеркал, смотрящихся друг в друга.

Поэтому мы пошли другим путем: мы спрашивали – что было действительным объектом исследования данных дисциплин, чем они реально занимались? Иначе говоря, мы пытались понять, с чем – в фактической реальности – они могли иметь дело, проводя свои исследования?

Таким образом, мы обнаружили, в частности, невозможность определить границу между психикой и содержанием психического. Тот факт, что мы не можем эту границу найти (выявить), является достаточным основанием, чтобы понять, что в указанных дисциплинах изучалось нечто, что не является реальностью, но лишь представлением о ней.

Дело в том, что реконструкция фактической реальности, поскольку она – такая реконструкция – совершенно искусственна, неизбежно содержит в себе границы. Именно поэтому ее можно перевести в схемы, таблицы, графики, и именно потому она позволяет вести последовательный научный поиск. Предпринимаемая нами реконструкция фактической реальности вовсе не описывает действительность, она указывает на то, как эта действительность устроена.

Все это не значит, что мы не находим и не устанавливаем множества границ в своих представлениях о реальности – напротив, мы плодим их здесь в огромных количествах (например, разделяя «философию» и «психологию», что, конечно, является весьма и весьма условным разделением, но ведь оно кажется нам – особенно если мы философы или психологи – чрезвычайно существенным и значимым). Но одно дело – что-то противопоставить чему-то, и другое дело – определить границы того, о чем идет речь на самом деле. Граница, иными словами, это не черта, а замкнутый периметр.

По всей вероятности, в фактической реальности никаких «границ» нет, а реконструкция будет всегда ограничена, всегда имеет границу. Является ли это парадоксом? Безусловно, и очень важным: поскольку мы сами принадлежим фактической реальности, мы не можем «воспринимать» фактическую реальность иначе, как через некую метамоделю – то есть как бы «через ход», с «переходом хода», искусственным образом. Но мы можем впасть в иллюзию, принимая свои представления о реальности за реальность как таковую, и тогда она, и в самом деле, оказывается совершенно для нас недоступна.

«Фактическая реальность» и «реконструкция реальности»

Фактическая реальность не может быть дана нам в представлении, потому что представление всегда искажено тем, кто это представление создает. По существу, представляющий реальность привносит себя в нее как еще одно «представление», и все начинает путаться. То, что я или любое другое существо, обладающее психикой, воспринимаем как реальность, – является лишь нашей (его или моей) версией этой реальности, то есть тем, что мы называем «представлением о реальности».

«Холодно», «тепло», «жарко», «невыносимо жарко» – являются оценочными суждениями, которые говорят нам о состоянии «оценщика», но не о фактическом тепле. Последнее, в свою очередь, является конструкцией – мы нечто принимаем за природу тепла (например, скорость движения атомов в веществе), а что-то за единицу соответствующей шкалы (по Кельвину, по Цельсию, по Фаренгейту). По существу, все наши представления о реальности являются оценочными, а сама фактическая реальность может быть нами только теоретически реконструирована.

В действительности никакой «температуры», как, впрочем, и «тепла», тоже нет. Есть некие физические процессы, которые воспринимаются нами определенным образом (на разных уровнях – физического ощущения, теоретического обобщения и т. д.), и для «формализации» этих отношений мы имеем субъективное восприятие «тепла-холода», а также соответствующие реконструкции – идею тепла, идею температуры, идею шкал и т. д.

Но можем ли мы на этом остановиться, или нам следует идти дальше? Ведь и сама идея «физических процессов» является представлением о реальности, но не фактической реальностью. В реальности нет «физики», равно как и «физических процессов», а есть нечто, что мы можем таким образом назвать, концептуализировать, а затем – и уже в таком виде – изучать (т. е. изучать не реальность, а свое представление о ней).

Очевидно, что мы впадаем тут в некоторое противоречие: в одном случае, когда мы рассуждаем о «тепле» и «температуре», мы говорим, что «физические процессы» есть, а в другом случае, когда мы говорим о «физике» и «физических процессах», мы указываем на то, что их нет.

Но это противоречие, с точки зрения методологии мышления, формальное, кажущееся, контекстуальное. Более того, само искомое понимание возникает как раз в момент, когда мы вдруг замечаем, что наше представление о реальности является лишь представлением. Замечая это, мы как бы проходим «дальше» – создавая, условно говоря, новую, более глубокую реконструкцию фактической реальности.

Именно в этом и заключен единственно возможный способ думать о фактической реальности: реконструируя реальность, мы постоянно отказываемся от каких-то своих представлений о реальности и берем новую рамку для создания соответствующей модели. Мы как бы «проваливаемся» в этот момент глубже и глубже своих действующих представлений о реальности к фактической реальности.

«Проваливаясь», впрочем, мы в действительности, конечно, никуда не падаем и не попадаем; и речи, разумеется, не идет ни о каком фактическом «проникновении вглубь». Мы «проваливаемся» лишь относительно своих представлений, а создавая в этот момент какую-то очередную реконструкцию действительной реальности, мы, скорее, если уж пользоваться образами, не проваливаемся, а упираемся в нее, отталкиваемся от фактической реальности.

Фактическая реальность может быть только упором для формирования нами той или иной ее реконструкции. Но и она – эта модель – в свою очередь, может скоро стать нашим представлением о реальности, вернув нас, так сказать, в начальную точку. Всякий раз, когда нам начинает казаться, что мы что-то «познали» и наше представление о мире в связи с этим изменилось, мы как раз переходим от реконструкции фактической реальности к иллюзорному

представлению о ней.

Представленная здесь динамика «процесса познания» – не метафизическая диалектика и не абстрактный релятивизм, а особенность нашей психики, которая нуждается в том, чтобы хоть что-то всегда было для нее «реальным», а потому она регулярно и неизбежно вводит нас в заблуждение, когда умозрительное начинает приниматься нами за действительное.

«Эффект чувства реальности» и «эффект разрыва»

Представление о реальности, таким образом, характеризуется – назовем его так – «эффектом чувства реальности». «Эффект чувства реальности» – то, в чем наша психика, очевидно, нуждается и, по существу, постоянно его – этот эффект – производит. Она готова пойти на самые разные уловки для того, чтобы сохранить свое чувство реального и свои представление о внешнем мире [В. Рамачандран, К. Фрит].

Наличие чувства реальности необходимо психике для обеспечения целенаправленной деятельности: психика постоянно сверяет свои действия с «реальностью» и корректирует их (например, посредством механизма обратных афферентаций, «обратных связей» [П.К. Анохин]), в противном случае она неспособна внутри самой себя ни формироваться, ни функционировать.

Иными словами, психике всегда необходимо некое представление о реальности, которое она будет воспринимать как реальность, а потому наши реконструкции фактической реальности неизбежно будут тяготеть к тому, чтобы стать представлением о реальности. Вопрос, таким образом, в улавливании этих переходов – когда то, что было реконструкцией фактической реальности, вдруг превращается для нас в представление о реальности (неотличимое для нас от реальности, а потому иллюзорное). То есть тех моментов, когда то, что мы понимали умозрительно и как бы гипотетически, но по существу как раз таки верно, вдруг начинает казаться нам реальным, а потому оказывается иллюзорным.

У этого обстоятельства есть и другой крайне важный аспект: мы – так получается – никогда не можем иметь реконструкцию реальности в законченном

виде, превратить это свое знание о реальности в некий полный, раз и навсегда данный нам «справочник», описывающий фактическую реальность. Если это происходит, мы тут же скатываемся в новое представление о реальности, которое как раз и скрывает от нас фактическую реальность.

Фактическая реальность дается нам только в разрывах, эпизодически, когда мы преодолеваем генерируемый нашей психикой «эффект чувства реальности» – снимаем с себя эти розовые очки и осознаем, что фактическая реальность всегда, и совершенно определенно, нам недоступна. Я бы сказал, что если мы и можем ощутить фактическую реальность, то только на кончиках пальцев, но схватить ее и удержать в кулаке невозможно.

Данный «эффект разрыва», судя по всему, может производиться нами исключительно направленным интеллектуальным усилием. Наша психика непреодолимо тяготеет к тому, чтобы сложить весь набор раздражителей в некую понятную, ясную и как бы непротиворечивую картину реальности, то есть создать «эффект реальности». Эти представления о реальности, в свою очередь, являются специфическим фильтром-интерпретатором – всякие новые раздражители, оказываясь, образно говоря, в поле тяготения соответствующей системы представлений, неизбежно как бы изменяют свою траекторию – одни отталкиваются (игнорируются), другие, комплементарные, напротив, притягиваются, третьи – видоизменяются (интерпретируются) в угоду господствующим установкам. Так, если я считаю, например, некое государство «потенциальным противником», я с неизбежностью интерпретирую его политические действия как проявления враждебности, и мне необходимо огромное и направленное интеллектуальное усилие для того, чтобы усмотреть в этих действиях что-то иное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kurpatov_andrey/myshlenie-sistemnoe-issledovanie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)